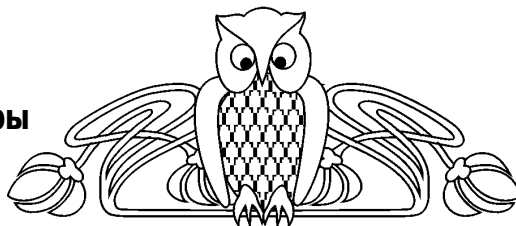

- г. Волгоград. 12–15 ноябр. 2007 г.: Тез. докл. Волгоград, 2007. С. 47–48.
- ²⁹ См.: Халиков А.Х. Указ. соч. С. 201.
- ³⁰ Там же; Киреев А. Послетретичные ископаемые Нижнего Поволжья // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932. С. 84.
- ³¹ См.: Малов Н.М. Изучение и интерпретация... С. 48–50.
- ³² См.: Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура: Труды СОМК. Саратов, 2006. Вып. 10. С. 251.
- ³³ См.: Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7. С. 610–626.
- ³⁴ Там же. С. 622.
- ³⁵ Там же. С. 624. Рис. 100–104.
- ³⁶ См.: Малов Н.М. Хлопковский могильник... С. 40.
- ³⁷ См.: Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 187–190.

УДК 902(470.44/47)|637/7|

ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н.э.)

В.А. Лопатин

Саратовский государственный университет
E-mail: srubnik@yandex.ru

Культуургенез в середине II тыс. до н. э. был сложным и многокомпонентным явлением. Ранние варианты срубной культуры неодинаково складывались в разных природно-географических нишах Волги, Дона, Урала, с участием различных переходных культурных типов рубежа средней и поздней бронзы (Кривая Лука, Бабино, Лола, Вольск, Покровск, Потаповка, Синташта, Петровка). В дальнейшем наблюдается глобальная конвергенция степных скотоводческих племен и общая нивелировка локальных особенностей срубной культуры.

Ключевые слова: культуургенез, срубная культура, Кривая Лука, Бабино, Лола, Вольск, Покровск, Потаповка, Синташта, Петровка.

Vectors of Culturogenesis (to a Problem of Becoming Timber-grave Cultures in the North Low-Volga Region in the Middle of II th. B.C.)

V.A. Lopatin

Culturogenesis in the middle of the 2nd millennium B.C. was complicated and multicomponent ones phenomenon. The early types of timber-grave culture developed in various ways in different natural geographic niches of Volga, Don and Ural with participation of different transitional cultural types at the turn of middle and late bronze ages (Krivaya Luka, Babino, Lola, Volsk, Pokrovsk, Potapovka, Sintashta, Petrovka). Further we can see global convergence of steppe cattle-breeding tribes and general leveling of the local peculiarities of timber-grave culture.

Key words: culturogenesis, timber-grave, Krivaya Luka, Babino, Lola, Volsk, Pokrovsk, Potapovka, Sintashta, Petrovka.

Ранний пласт срубной археологической культуры, формировавшейся на широкой территории, был представлен множеством вариантов, которые

объективно отражали многокомпонентность культуургенеза. Обширный ареал формирования занимал степные и лесостепные равнинные пространства Волго-Уралья и Доно-Поволжья, где к середине II тыс. до н.э. был интегрирован качественный культуурообразующий потенциал, выработанный активными культурно-генетическими процессами эпохи средней бронзы. Определяющими в этих процессах были факторы пространства, времени, а также естественного культурно-исторического развития скотоводческих древнеиранских народов степной Евразии.

Пространство, ландшафт, природно-географическая среда имеют огромное значение в культурно-генетической динамике, а евразийская степь играла особую роль в сложных процессах, влиявших на его активизацию. Часть этого пространства между Доном и Волгой, Волгой и Уралом была чрезвычайно привлекательна во все времена и для многих народов, прежде всего, как ключевая геополитическая категория. Поэтому так разнообразны местные памятники археологии, а фиксируемые культурно-генетические и этнические процессы часто формировали здесь судьбоносные направления мировой истории. Специфика региональных условий (равнинный ландшафт, сухостепная растительность, континентальный климат) реально влияла на формирование культурных и этнических черт местных племен, в известной степени определяла динамику их становления. Яркое своеобразие этих явлений – дискретность, нестабильность и мозаичность. Практически все народы, известные в исторической диахронии нашего пространства, отмечены не полными циклами этногенезов, а лишь некими фазами или мимолетными фрагментами. Зачастую это крайне напряженные или острокритические варианты полиэтничной энтропии в виде глобальных миграций, насильственных ассимиляций, или

межкультурных миксаций. Как тип вмещающего и кормящего ландшафта, данный регион является традиционно скотоводческим. В древности это всегда спорная территория, как любой район степи между Черным морем и предгорьями Саяно-Алтая¹. Монотонные ландшафты евразийской степи, крайне напряженные в своей экстенсивности варианты пастушеско-отгонного скотоводства, фиксировали здесь ярко выраженные персистентные типы первобытных социумов².

Естественным географическим центром притяжения этого региона была Волга, значение которой огромно. Она разграничивала запад и восток на два мира и одновременно соединяла их своими берегами, обширной поймой с гигантским пастбищным ресурсом, многочисленными притоками, неким подобием горообразности Приволжской возвышенности, которая видна издали и столь притягательна в открытой степи. Волга протекает естественным меридиональным рубежом между выровненным степным Заволжьем, плавно переходящим в сыртовое Волго-Уралье, и живописным, изрезанным лесными реками Подоньем. Значительное пространство приволжского правобережья пересекается реками, которые являются частью Донского бассейна (Иловля, Медведица, Хопер, Ворона). На севере Волго-Донского междуречья истоки этих рек близки началу окских притоков (Уза, Сура, Мокша, Вад, Выша), здесь же начинают свое течение мелкие реки, впадающие в Волгу (Курдюм, Терешка). В древности это были естественные и удобные магистрали перемещений скотоводческих групп населения с Дона на Волгу и далее по Иргизу и Чалыкле к истокам Деркула, ведущего к Уралу. В связи с этим север Нижнего Поволжья представляется предельно контактными и одним из наиболее вероятных полигонов активизации культурно-генетических процессов.

Середина II тыс. до н.э. – категория времени, которая должна рассматриваться как довольно широкий интервал, имеющий в контексте культурогенеза значение перехода, буферного этапа, на протяжении которого наблюдаются качественные трансформации культурных компонентов, занятых в интеграционных процессах. Конкретизировать хронологические рамки этого интервала не имеет смысла. Ограничивая его, к примеру, XVI–XV вв. до н.э., мы неизбежно будем обращаться к более глубоким корням того или иного генетического компонента, а наблюдаемые производные образования могут проявлять себя вплоть до финала бронзового века. Расценивать эту середину в качестве рубежа, разделяющего две абстрактные половины тысячелетия, – заблуждение, но синергетическое понимание этого времени как пункта бифуркации, в котором начинается эра двух мегакультур (срубная и алакульская), вполне приемлемо.

В контексте проблемы для нас наиболее небезразлично время взаимодействия культурных групп посткатакомбного, постшнурового и по-

стабашевского типов³, степень доминантности активаторов культурогенеза (т.н. «колесничных» феноменов). И разумеется, в рамках этого этапа мы должны видеть конкретные результаты конструктивной контактности в обозначенном ареале – формирующиеся локальные варианты срубной археологической культуры.

Векторы культурогенеза – это условные направления динамики взаимодействующих компонентов (блоков взаимодействующих культур), результатами которой должны являться локальные варианты раннесрубной культуры. Выявление процессов взаимодействия и специфических особенностей формирующихся вариантов – это одно из ключевых направлений предпринимаемого исследования. Особая роль в локализации взаимодействующих компонентов и производных групп отводится пространственному анализу имеющейся базы данных.

Культурогенез понимается как множественные векторные процессы, в ходе которых наблюдаются нарастания, подъемы, критические пики, спады, плавное развитие. В глобальных масштабах культурно-генетические процессы могут приобретать как дискретный, так и линейный характер. Эти интервалы по-своему совпадают с дивергентными и конвергентными явлениями в развитии первобытных культур. Исходя из этого, следует вывод о диалектической сущности культурогенеза.

Нельзя понимать процессы культурогенеза, аналогизируя с этногенезами, категориями этнологического характера. Феномены культурогенеза и этногенезов синстадиальны, но не редупликативны. Другими словами, этногенезы происходят в рамках культурогенеза, процессы которого множественны, но сам культурогенез как всеобъемлющее явление един. В отличие от этногенеза, культурогенез не конечен в диахроническом стволе великих исторических народов, каковыми, безусловно, являются иранцы с их глубочайшей праисторией. Проблема начальной фазы иранского культурогенеза расплывчата и вырастает из общего контекста индоевропейских начал. Главная сложность в изучении культурно-генетических процессов – верное сопоставление конкретных данных археологии с ритмами линейно-дискретной динамики древней истории.

Данная позиция не противоречит концепциям «очагов» культурогенеза (Волго-Уральского, Карпато-Дунайского, Днепро-Донецкого)⁴, которые основаны на выделении блоков «материнских» культур и активаторов динамики, констатируемых в качестве исходных культурно-исторических явлений. Эти яркие феномены активизации мы рассматриваем как очень значимые фрагменты – фазы подъема, нарастающей динамики глобальных, перманентно развивающихся культурно-генетических процессов.

Изучая срез продолжительного культурогенеза, важно конкретизировать *культурные ком-*

поненты, активизированные на этапе перехода от средней к поздней бронзе. Исследования последних лет убедительно показали факт формирования групп памятников, разделяющих собственно эпохи средней и поздней бронзы и являющихся результатом «деструкции и распада» практически всех культур абашевской, шнуровой и катакомбной общностей на обширном пространстве от низовий Дуная до Приуралья⁵. Под активизацией культурных компонентов понимается конкретное движение (миграции) носителей определенных признаков погребальной обрядности и материального комплекса из областей первичных локализаций на территорию Нижнего Поволжья, Волго-Донского междуречья и степного Волго-Уралья. Но важно включать в указанные процессы также опосредованные трансляции культурных элементов, явления не прямых аккультураций и активного обмена традициями.

Наиболее ярко (в той или иной степени) выражено движение культурных групп посткатакомбного блока, *бабинской*, *криволукской*, *лолинской*, которые в ходе формирования собственных ареалов активно взаимодействовали на юге Волго-Донского междуречья⁶. Но участие посткатакомбных культур в освоении Нижневолжского региона, и особенно степного Волго-Уралья, неравнозначно. Восточная периферия бабинского «очага культурогенеза»⁷, в который включаются также памятники волго-донской и предкавказской (лолинской) групп, ограничена Приволжской возвышенностью и южным правобережьем, поэтому проникновение в Заволжье отдельных элементов «бабино» и «лолы» в виде валиковой керамики, предметов поясной фурнитуры, «рожкового» бисера можно оценивать, вероятно, как опосредованную диффузию.

Теперь совершенно очевидно, что движение криволукской группы, первоначально локализованной в нижневолжском правобережье⁸, было наиболее активно и динамично развивалось также в обширном пространстве степного Волго-Уралья, многие известные памятники которого теперь оцениваются в контексте посткатакомбной концепции⁹. Погребения финала средней бронзы между Волгой и Уралом близки по такому показателю, как ярко выраженная безынвентарность, но вместе с тем они демонстрируют заметное разнообразие в элементах погребальной обрядности. Пока не ясно, оставлены ли они разнотипными посткатакомбными вариантами, или это был единый криволукский импульс, попутно сформировавший субкультурную «дериват-форму», пока условно обозначенную, как *волго-уральская* (культурно-обрядовая?) группа¹⁰.

Вероятнее всего, перемещение катакомбных и посткатакомбных групп на территорию степного Волго-Уралья в первой четверти II тыс. до н.э. было многоимпульсным и поликомпонентным. Потенциалы этих множественных вторжений вначале поэтапно аккумулировались в ниже-

волжском правобережье, затем осваивали Заволжье и постепенно продвигались по сухостепному и ариднему поясам к Южному Приуралью. К моменту появления здесь носителей покровского культурного типа посткатакомбные племена уверенно контролировали всю волго-уральскую степь¹¹.

Участие *вольско-лбищенского* компонента в культурно-генетических процессах на рубеже эпох средней и поздней бронзы весьма спорно. Материалы эпонимного памятника Попово Блюдечко (Вольское городище), получившие недавно подробный анализ, синхронизируются авторами с полтавкинскими комплексами, то есть считаются предшествующими сложению волго-уральского очага культурогенеза¹². Аналогично определяя культурно-хронологические позиции памятников вольско-лбищенского типа (Вольск, Лбище, пещера Братьев Греше, Царев Курган, поселение у Кирпичных Сараев, Алексеевский III могильник, Тамар-Уткуль VII, дюна «Человечья Голова») в своей обобщающей работе И.Б. Васильев¹³. Он отмечал заметную близость вольско-лбищенских металлических изделий к предметам инвентаря «шнуровых» культур (фатьяновско-балановской, примокшанской, среднеднепровской), выделял связующие элементы в абашевских украшениях и также синхронизировал эту небольшую группу памятников со степным полтавкинско-катакомбным миром.

Основная специфика вольского культурного типа – это керамический комплекс, имеющий устойчивые совокупности присущих только ему признаков. Вместе с тем именно керамика может указывать на возможную хронологическую неоднозначность этого культурного феномена. Неодновременными представляются коллекции Попова Блюдечка и Лбища. Вероятно, первый эпоним является наиболее ранним комплексом, хотя и он мог развиваться во времени. Керамика городища Самарской Луки¹⁴ изготовлена в несколько иных традициях, ее формы и пропорции ближе позднекатакомбным и бабинским образцам. Аналогов вольско-лбищенской посуде в погребениях степного Волго-Уралья немного, но все они позднекатакомбного и посткатакомбного времени¹⁵. Варианты погребений Алексеевского III могильника практически ничем не отличаются от криволукских или бабинских показателей по позам и ориентировкам, они также слабо обеспечены инвентарем, это исключительно редкие украшения, керамики нет.

Представляется, что памятники этого круга следует подробно систематизировать и, возможно, разделить на собственно вольские (ранние), следующие за ними лбищенские и степные (поздние), вероятно входившие в контакты с позднекатакомбными, посткатакомбными, потаповскими и покровскими племенами. В этом случае возникает возможность проследить некоторые генетические процессы, влиявшие на развитие «покровска» и

опосредованно на формирование лесостепного локального варианта раннесрубной культуры.

Памятники покровского типа – доминирующий и консолидирующий компонент, имеющий ключевое значение в решении проблем пиковой фазы культуругенеза и социогенеза на переходном этапе и в начале эпохи поздней бронзы¹⁶. Как одно из явлений блока т.н. «колесничных» культур, покровский феномен столь же неоднозначен, как Синташта, Потаповка, Новый Кумак. Не ясен генезис «покровска», хотя особенности керамического комплекса явно указывают на связи с абашевской культурой, транскультурный военизированный инвентарь свидетельствует о широких связях, мобильности и активной инкорпорированности покровцев в системы и процессы политогенеза. По сравнению с посткатакомбными культурами Нижнего Поволжья «покровск» – это еще и более высокий уровень социоструктуры.

Проблема первых контактов покровцев с автохтонным (посткатакомбным) этнокультурным фоном между Доном и Уралом весьма загадочна, и основной вопрос в том, насколько лабильны были эти взаимодействия. Воинские погребальные комплексы покровского типа не являются веским аргументом в пользу враждебного противостояния. Напротив, стратиграфия и планиграфические ситуации в курганах, но особенно в Смеловском могильнике¹⁷, нередко демонстрируют плодотворный симбиоз двух культурных групп, а часто и почтительно-подчиненное положение погребений с покровскими признаками по отношению к основным захоронениям криволукского типа.

В настоящий момент возможный вариант локальных культурно-генетических преобразований в степном Заволжье прослежен на материалах Смеловского могильника, где на основе взаимодействия позднепокровских и посткатакомбных групп, близких криволукскому и «волго-уральскому» типам, фиксируется формирование степного раннесрубного пласта памятников, вырастающих в классический вариант культурно-исторической общности.

Участие культур южно-уральского очага в нижневолжском культуругенезе было опосредованным. Отдельные признаки *синташтинских* и *раннеалакульских (петровских)* традиций в изготовлении керамики транслировались в степную среду Заволжья и далее, в Волго-Донское междуречье, именно покровцами¹⁸. Пока трудно сказать, было это изначальное движение покровской группы из Приуралья, или данная картина в целом отражает известные сложности переходного времени, в котором некоторые социальные страты, ориентированные на военную парадигму, были наиболее подвижны в пространстве, предельно лабильны в межэтнических контактах, но также резистентно уязвимы и внешне изменчивы по показателям материального комплекса. Данное обстоятельство, неизбежно связанное с разносто-

ронным взаимодействием культур «героической» эпохи с яркой многокомпонентностью, составляет известные сложности и требует учета максимально большего количества элементов материального комплекса и обрядовых признаков, занятых в процессах культуругенеза.

На раннем этапе формирования срубной культуры своеобразия, заложенные культурно-генетическими компонентами в ее локальные варианты (степной заволжский, лесостепные волго-донской и поволжский, степной приуральский), некоторое время свежи и заметны, они проявляются в некоторых чертах обряда, формах и декоре посуды, инвентаре и особенно в украшениях. Но углубляющиеся мегапроцессы интеграции постепенно нивелируют генетические шлейфы, и под контролем единой идеологической парадигмы внешние проявления срубной археологической культуры становятся в общих чертах усредненно унифицированными.

Примечания

- 1 См.: *Лопатин В.А.* Этногенезы в Нижнем Поволжье (иранский фрагмент) // *Народы Саратовского Поволжья. История и современность.* Саратов, 2005. С. 8.
- 2 См.: *Лопатин В.А.* Евразийский феномен имперского пространства (фактор ландшафта) // *Народы Саратовского Поволжья. История, этнография, современность.* Саратов, 2006. С. 5.
- 3 См.: *Литвиненко Р.А.* Южно-Уральский очаг культуругенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие.* Чебоксары, 2003. С. 148.
- 4 См.: *Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // *Социогенез и культуругенез в историческом аспекте.* СПб., 1991; *Он же.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культуругенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы.* СПб., 1995; *Литвиненко Р.А.* К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век).* Ч. 1. Донецк, 1996. С. 67.
- 5 См.: *Литвиненко Р.А.* Южно-Уральский очаг культуругенеза и культура Бабино... С. 148; *Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // *Проблеми дослідження пам'яток археології східної України.* Луганськ, 2005. С. 70.
- 6 *Мимоход Р.А.* Указ. соч. С. 74. Рис. 1.
- 7 См.: *Литвиненко Р.А.* Восточная периферия бабинского очага культуругенеза // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья.* Волгоград, 2004. С. 107. Рис. 1.
- 8 См.: *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья.* Волгоград, 2004. С. 112.
- 9 См.: *Мимоход Р.А.* Блок посткатакомбных... С. 74. Рис. 1; *Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана

- (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 93–118; *Они же*. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 157–193; *Лопатин В.А.* Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 44–97.
- ¹⁰ См.: *Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза. Рукопись статьи.
- ¹¹ См.: *Лопатин В.А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов, 2010. С. 167–168.
- ¹² См.: *Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г.* Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов, 2009. С. 30.
- ¹³ См.: *Васильев И.Б.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 111.
- ¹⁴ *Васильев И.Б.* Указ. соч. С. 113. Рис. 1, 11–23.
- ¹⁵ См.: *Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996; *Дремов И.И., Семенова И.В.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999; *Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996; *Филипченко В.В.* Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993; *Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана...
- ¹⁶ См.: *Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 157.
- ¹⁷ См.: *Лопатин В.А.* Смеловский могильник... С. 168.
- ¹⁸ См.: *Лопатин В.А.* Бородаевские курганы... С. 78.

УДК 902; 930.2

ДРЕВНЕЕ ГОНЧАРСТВО В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Р.А. Сингатулин

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: sarch@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы древнего гончарства в свете теории деятельности, связанные с процессом взаимодействия историка и исторического источника. Рассматриваются некоторые проблемы историко-культурного и информационного подходов на основании изучения гончарной деятельности, познания закономерностей формирования этой мотивации и продукта деятельности гончара.

Ключевые слова: теория деятельности, древнее гончарство, исторический источник.

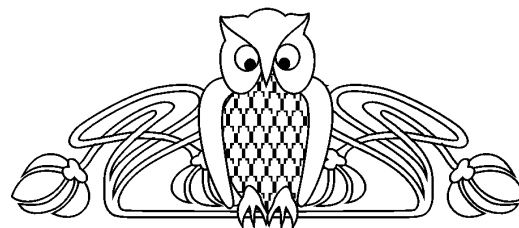
Ancient Potters in Light of the Theory of Activity

R.A. Singatulin

In clause the questions ancient potters in light of the theory of activity connected to process of interaction of the historian and a historical source are considered. Some problems of the historical-cultural and information approaches are considered on the basis of study of activity potters, knowledge of laws of formation of this motivation and product of his activity.

Key words: theory of activity, ancient potters, historical source.

Изучение древнего производства для историко-культурных реконструкций является одним из традиционных направлений в археологии. Особую актуальность имеют исследования гончарства. Сведения о традициях изготовления, распро-

странения и применения гончарной продукции, получаемые в процессе исследований массового археологического материала, на сегодняшний день являются преобладающими при историко-культурных реконструкциях отдельных групп древнего населения. Вместе с тем остаются проблемы, которые не всегда могут быть решены достаточно эффективно без учёта закономерностей формирования мотивации, связанной с ремесленной деятельностью, и продукта деятельности гончара. В качестве ключевой концепции в таких исследованиях применяют теорию деятельности.

Современная теория деятельности получила своё развитие благодаря наукам, исследующим человека, в особенности при анализе процессов, в которые включены различные общности людей, с целью определения функции органов человека¹. Понятие «деятельность» нередко употребляется относительно человека и понимается как активное взаимодействие субъекта с окружающим объективным миром. Попытка научного обоснования данной категории была предпринята Л.С. Выготским² и получила дальнейшее развитие в работах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, А.П. Лурия, П.Я. Гальперина и других авторов. В контексте проблемы изучения древнего гончарства некото-